

и перезахоронено четырьмя пожилыми прихожанками и через 11 дней отпето, в отпевании принимало участие все местное духовенство: священник с. Черемисское о. Александр Ромулов; священник с. Катайское о. Аркадий Бирюков; диакон с. Катайское Свято-Троицкой церкви о. Константин Чернавин; диакон с. Черемисское о. Василий Пономарёв; диакон с. Боровское Свято-Никольского храма Александр Чиркин (служивший вместе с о. Аркадием); псаломщик с. Катайское Всеволод Тихонов; псаломщик села Катайское Свято-Троицкой церкви Андрей Гладких.

Тело о. Аркадия, как указывается в метрических книгах, было погребено в церковной ограде. Нами установлено место погребения. Это склеп, находящийся за алтарем храма. В 2001 г. священником о. Александром Никулиным он был открыт для поклонения. С южной стороны склеп был раскопан, из стены был вынут кирпич, и все увидели не тронутый временем гроб. На месте склепа ощущалось тонкое благоухание, одна женщина получила исцеление от болезни.

Решением Синода от 2002 г., священномученик Аркадий Гаряев был причислен к лику Святых в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

Н. Н. МАМАЛВА

Традиционализм или модернизм?

**(к вопросу о современной православной архитектуре
Екатеринбурга)**

В нашей стране уже в течение пятнадцати лет идёт возрождение православия, активно восстанавливаются старые и строятся новые храмы. Естественно, этот процесс затронул и наш город. Главная задача данных тезисов — попытаться ответить на вопрос — какие тенденции находят своё воплощение в современной православной архитектуре Екатеринбурга?

В настоящее время в городе построено и находится в процессе строительства 16 храмов и 4 часовни (не считая храмы монастыря в Честь Святых Царственных Страстотерпцев). Точная статистика затруднена, поскольку некоторые храмы восстанавливаются

практически «с нуля», и не совсем ясно, считать ли их вновь построенными или все же восстановленными. Так, например, обстоит дело с Афанасьевской домовою церковью или с храмом в Честь Иконы Казанской Божией Матери.

Тем не менее, если опираться только на храмы, строящиеся по современным проектам, можно выявить следующие тенденции.

Во-первых, «в моде» деревянные сооружения. Здесь следует назвать комплекс монастыря «Ганина Яма», три церкви, построенных в том же стиле и тем же архитектором (Архангела Гавриила, Николая Чудотворца, церковь Во Имя Иконы Богоматери Державная), и еще несколько деревянных церквей и часовен — церкви Симеона Верхотурского, Козьмы и Дамиана, Петра, Митрополита Крутицкого, часовни Во Имя Всех Святых и Во Имя Преподобной Мученицы Елизаветы. Что касается церквей, спроектированных Н. С. Акчуриной, или с ее участием (следует отметить, что вопрос авторства большинства храмов в силу ряда причин является весьма спорным и освещение этой проблемы требует дополнительных исследований), то их стилистика достаточно подробно проанализирована в другой работе¹. В целом, решение представляется достаточно удачным. По поводу самой Ганиной Ямы можно сказать следующее: с учетом того, что сейчас в тело деревянных церквей имплантированы каменные «протезы», первоначальный вид ансамбля (с учетом того, что это все-таки был ансамбль) следует оценить достаточно высоко. Можно спорить о том, насколько новаторским и насколько плагиаторском было первоначальное решение, но во всяком случае оно было целостным и гармоничным. Что касается других церквей, так же спроектированных Акчуриной, то основные претензии заключаются в том, что автор не даёт себе труда придумывать новые формы или архитектурные решения, воспроизводя всё те же решения, что были найдены в Ганиной Яме. Повторение собственного детища, строго говоря, не является плагиатом, но и не вызывает интереса.

Что касается других деревянных церквей, то это обычные клетские храмы, только вместо покрытия кровли используются не доски, а современные материалы. Чуть более интересна по структуре часовня на Северном кладбище, но ее современное состояние не позволяет ее анализировать. Впрочем, диссонанс

между благородной структурой дерева и вульгарным блеклом кровли имеет место и тут.

Любопытно, что по предварительным данным социологических опросов, у жителей города наибольшей любовью пользуются именно эти церкви, а также традиционные храмы, о которых речь пойдет ниже.

Следующая тенденция в современно культовом зодчестве — это строительство церквей в духе традиционализма. Большинство вновь строящихся храмов ориентируются на традиционное пятиглавие и эклектичную традицию второй половины XIX века. Сюда мы относим в первую очередь храм в Честь Святых Царственных Страстотерпцев и храм в Честь Рождества Христова на площади Уралмаша. Столь же традиционной является Успенская церковь в Верхней Пышме, выстроенная в стилистике петровской храмовой архитектуры. Это типичный классицистический храм-корабль.

Говоря о Храме в Честь Святых Царственных Страстотерпцев, следует заметить, что масштабность этого объекта (в плане его значения для города и физических масштабов) заслуживает того, чтобы ему была посвящена отдельная работа, и не одна. Пока что мы можем ограничиться лишь некоторыми замечаниями. Архитектура храма, конечно же, отсылает нас к московскому храму Христа Спасителя, образ которого сейчас растиражирован во множестве провинциальных храмов (Свято-Никольский собор в Кисловодске, храм Во Имя Святого Великомученика Георгия Победоносца в Самаре). Традиционным и достаточно уместным для храма-памятника является высокий цокольный этаж. Храм выстроен в стилистике неовизантийской архитектуры с некоторыми современными добавлениями, вызванными к жизни не столько современным архитектурным мышлением, сколько возможностью применения современных материалов). Обращает на себя внимание башенный характер барабанов под малыми куполами, впрочем, это тяготение к «замковой» архитектуре характеризует всю современную российскую архитектуру, начиная от «поворусских» коттеджей и заканчивая монументальными сооружениями (коттеджность вообще свойственна современным церквям — в качестве примера можно привести главный храм монастыря Спорительницы хлебов). Высокие щелевидные окна также ха-

раактерны для многих современных крупных храмов. В целом сооружение, несомненно, эклектично, тяжеловесно, непропорционально, к тому же имеют место и явные нарушения православных канонов, о которых уже неоднократно упоминалось, в частности, введение в православный храмовый ансамбль скульптурной композиции (это далеко не единственный пример).

Выстроенная рядом церковь Николая Чудотворца более традиционна и отсылает зрителя к классическому московскому пятиглавию. Впрочем, купол апсиды слишком тяжеловесен и позволяет скорее говорить также об эклектике второй половины XIX века.

Такую же традиционность демонстрирует и Храм Рождества Христова на Уралмаше. В целом, архитектурное решение достаточно корректно и удачно. Обращают на себя внимание трехъярусные барабаны под боковыми главами, которые придают церкви декоративность и изящество. Впечатление портит «раскраска» (к сожалению, иначе сказать нельзя) шатра центральной главы и колокольни. Чрезмерное увлечение шатрами, которые дисгармонируют с другими архитектурными элементами, заметно почти во всех современных церквях (здесь можно упомянуть храм Всех Святых в Земле Российской Просиявших в Саратове, храм в Честь Рождества Пресвятой Богородицы и храм в Честь Казанской иконы Божией матери в Самаре). Понятно, что металлокерамика на шатрах и фронтонах — это «дешево и сердито», но нельзя же возводить это в принцип строительства. При этом цвет современных стройматериалов также вызывает нарекания своим явным безвкусием.

Возможно, более интересный образец традиционной архитектуры даст храм Серафима Саровского, который пока ещё лишён верхней части. Во всяком случае, выразительность кирпичной кладки уже сейчас обращает на себя внимание. Скорее всего, потом ее оштукатурят и данные эффекты потеряются. Парадокс заключается в том, что многие церкви в процессе строительства, пока видна фактура материала и планировочная схема, выглядят куда интереснее, чем в завершённом виде, как скорее всего произойдет с храмом в честь Равноапостольного Князя Владимира.

Гораздо интереснее следующая группа церквей, также достаточно традиционных, но авторы которых позволяют себе

некоторые эксперименты с каноническими формами и объединяют канонических решения с идеями модерна. Это одноглавые, трёхглавые и пятиглавые храмы и часовни, оштукатуренные или непосредственно использующие выразительные возможности кирпичной кладки. Они, на наш взгляд, являются более интересными, чем большие традиционные постройки. Созданная в перестроечный период одной из первых, часовня Святой Екатерины демонстрирует формы типичного русского модерна конца XIX века. Гипертрофированные колонны по углам всех четырёх фасадов фактически превращаются в башни. Традиционные кокошники выступают в несвойственной для них роли фронтонов и отличаются чрезмерно вытянутыми пропорциями. Обилие «пряничного» декора также типично для стиля «рюс» рубежа XIX – XX веков. Если бы эта часовня была построена на сто лет раньше, мы могли бы считать её типичным памятником эпохи. Но сейчас имеет место явное запаздывание во времени. К тому же, часовня совершенно не вписывается в окружение и выглядит достаточно нелепо на фоне конструктивистской архитектуры.

Достаточно гармоничной и оригинальной является кирпичная церковь Святого Николая Чудотворца в «Собачем» парке. Небольшие размеры церкви и её «игрушечная» полихромность удачно сочетаются. Кровля, выполненная из современных материалов, в данном случае не режет глаза, как это часто происходит в деревянных храмах. Изящные маковки, не повторяясь по форме, усиливают декоративный эффект. Есть, правда, опасения, что, когда рядом будет достроен храм Серафима Саровского, эта церковь потеряется на его фоне, что имеет место уже сейчас.

Самой лучшей в этой группе «смешанного» стиля и вообще самой лучшей из новых церквей является «белокаменная» (точнее кирпичная и оштукатуренная) церковь В Честь Иконы Нечаянная Радость. Она также отсылает нас к архитектуре русского модерна, но работающей с современными материалами и прибегающей к новым решениям. Многоярусные кокошники Нечаянной Радости отходят от традиционных форм, превращаясь в лепестки лилии. Фактически, мы видим здесь утверждение новой православной символики. Архитектурный орнамент использует как типичные, так и нетрадиционные мотивы. Очевидно

гяготение церкви к пирамидальной форме. Приплюснутый шлемовидный купол венчает всю конструкцию. Здесь имеет место нарушение традиционных пропорций, но это именно сознательное нарушение, очень тонкая и достаточно деликатная игра в традиционализм и модернизм, которая и позволяет рассматривать архитектуру этой церкви как одно из самых удачных современных решений.

Четвертая группа храмов представляет особый интерес в связи с явным нарушением всех православных канонов. Это храм Святого Целителя Пантелеймона, выстроенный в традициях мусульманской архитектуры и церковь Марка Печерского Гробокопателя, являющаяся принципиально эклектичной и обращающаяся к приёмам строительства католических часовен. Самым нетипичным, неканоничным и вызывающим наибольшее число вопросов является храм Целителя Пантелеймона. Мы имеем фактически уникальную ситуацию, когда православный храм, построенный на территории бывших Агафуровских дач, воспроизводит форму мечети (хотя, согласно утверждению проектировщиков, первоначально замысел был другим). Очертания шатра колокольни повторяют силуэт мусульманских минаретов. Купол, покоящийся на парусах, является также типичным куполом мечети. Само сочетание тяжеловесного цилиндра основного объёма храма и лёгкой вытянутой вверх колокольни слишком дисгармонично, неважно, идёт ли речь о христианской или о мусульманской архитектуре. В целом решение является крайне неожиданным. Может быть, это и есть пресловутая толерантность и религиозная терпимость?

С церковью Марка Печерского всё обстоит значительно проще. Церковь была построена в соответствии с пожеланиями заказчика, который привёз свои впечатления из-за границы. Это декоративное сооружение, вызывающее в памяти очертания псевдосредневековых замков и церквей. К католицизму отсылает и обилие скульптуры. Формы храма криволинейны и текучи. Сама церковь являлась бы классическим квадрифолием, если бы по неизвестным причинам не отсутствовал один «лепесток». В декоре храма читается «накладная» рустовка, пинакли, волюты, картуши, также отсылающие зрителя к заподносовоейской архитектуре. Боковые купола в силу их малых размеров являются, в сущности,

декоративными украшениями восьмерика, увенчанного большим куполом. Это тоже образчик архитектурной игры, но более грубой в сравнении с церквями Святого Николая и часовней Святой Екатерины.

Интересен строящийся на Уралмаше храм Во Имя Святого Равноапостольного Князя Владимира. Храм перестраивается из конструктивистского промышленного сооружения. Формы конструктивизма могли бы дать достаточно интересное и новаторское решение, если бы не традиционный позолоченный купол, который сейчас на конструктивистском параллелепипеде с ленточными окнами выглядит чрезвычайно комично.

Характеризуя культовую архитектуру города Екатеринбурга на данном этапе, можно выделить несколько путей ее развития. Во-первых, это традиционализм, воплощённый как в кирпичном строительстве, так и в деревянной архитектуре. Во-вторых, это традиционализм с тяготением к модерну и модернизму, когда идёт достаточно остроумное осовременивание традиционных форм. В-третьих, это явные антитрадиционные решения, которые, к сожалению, основываются не на подлинном новаторстве, а на заимствовании форм культовых сооружений других религий. Судя по тому, какие типы церквей чаще всего заказывает сама Церковь, и тому, что это совпадает со мнением паствы, по-видимому, в ближайшие годы можно будет говорить только об эклектичном повторении эклектики столетней давности.

¹ Мамаева, Н. Н. Ансамбль монастыря в честь Святых Царственных Страстотерпцев (Ганина Яма) / Н. Н. Мамаева // Четыре века православного монашества на восточном Урале — Екатеринбург, 2004 — С. 156–161